

# НИКОЛАЙ ВРАНГЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ  
ВЫСТАВКА  
АРХИТЕКТУРЫ В  
АКАДЕМИИ  
ХУДОЖЕСТВ

Николай Врангель

**Историческая выставка  
архитектуры в  
академии художеств**

«Public Domain»

1911

## **Врангель Н. Н.**

Историческая выставка архитектуры в академии художеств /  
Н. Н. Врангель — «Public Domain», 1911

«Меньше всего среди всех искусств понимают у нас архитектуру. Великое искусство зодчества, давшее столько дивных созданий в древней, дореформенной Руси, памятники строительства XVIII и первой половины XIX веков были долгое время в полном забвении. И лишь в последнее десятилетие вырос живой интерес к красоте жилища, лишь теперь стали понимать у нас, что строение не только приют для жилья, не только четыре стены и крыша – логовище человека, но что всякое здание само по себе должно говорить всеми своими линиями и формами о каких-то таинственных законах счастья – о красоте, что всегда одинаково значительна и нужна во всем, что живет в мире, будь то живое существо или мертвый дом, созданный для его обитания...»

© Врангель Н. Н., 1911

© Public Domain, 1911

# Николай Врангель

## Историческая выставка архитектуры в академии художеств

Меньше всего среди всех искусств понимают у нас архитектуру. Великое искусство зодчества, давшее столько дивных созданий в древней, дореформенной Руси, памятники строительства XVIII и первой половины XIX веков были долгое время в полном забвении. И лишь в последнее десятилетие вырос живой интерес к красоте жилища, лишь теперь стали понимать у нас, что строение не только приют для жилья, не только четыре стены и крыша – логовище человека, но что всякое здание само по себе должно говорить всеми своими линиями и формами о каких-то таинственных законах счастья – о красоте, что всегда одинаково значительна и нужна во всем, что живет в мире, будь то живое существо или мертвый дом, созданный для его обитания. Первым шагом к этому было понимание необходимости художественной обстановки дома, увлечение home'ом, внутренним уютом жилищ. Ведь, если припомнить чудовищно-уродливые комнаты, плюшевую мебель и ужасающую бронзу, которой украшались еще 20 лет назад лучшие дома Петербурга, то станет страшно за тех, кто могли без чувства содрогания жить среди этих вещей. Как окружающая среда людей, так и окружающие неодушевленные предметы, незаметно, но неизбежно влияют на того, кто с ними общается. Человек, выросший среди «орехового рококо», среди карикатуры на красоту, не может иметь ни во внешнем, ни во внутреннем своем облике строгой системы, прекрасного ритма, закономерности. Вот почему увлечение чисто внешней формой обстановки – не мимолетный каприз и прихоть, а глубоко серьезная и нужная всякому цивилизованному народу потребность. Отсутствие культурных вкусов, которое в Петербурге кое-как прикрыто внешним, условным лоском разных «стилей», еще более заметно в домах Москвы и русской провинции. Здесь даже у самых богатых людей, рядом с изысканнейшими предметами украшения, стоят и висят на стенах ужасающие уродства, оскорбляющие не только тех, кто с ними живет, но и все те художественные предметы, что находятся в их соседстве. Отсутствие культурных потребностей к комфорту, отсутствие «любовного ока» ко всей окружающей жизни чувствуется в этих домах, как бы украшенных только случайной бутафорией. Но если в Петербурге, где все же еще теплится какая-то красивая жизнь – последнее наследие крепостных времен, – если в Петербурге еще любят внутренние стены своего жилища, за то прямо поражает безразличное отношение к внешнему виду домов. Постройка домов, подобных Елисейскому или кн. Кочубей на Фурштаттской, изуродование Михайловского дворца, уничтожение Строгановской дачи на Черной речке, разве все это не красноречивые доказательства того, как возмутительно безразлично смотрят все на внешний вид домов, в которых живут поколение за поколением и которые внешне характеризуют своих обитателей? Все эти мысли приходят на ум на архитектурной выставке, где так много подлинно красивого, где живет дух того времени, когда внешнее и внутреннее были неразрывно слиты. Век наследников короля Солнца, даже наследники его традиций в варварской России понимали, любили и знали магический смысл и величие жеста, форму речи, линию строения и рисунок музыкального ритма. Вот почему такой завершенной и законченной, такой «прекрасно-воспитанной» не справедливо рисуется нам жизнь XVIII века. Это был век внешней характеристики скрытой мечты и мысли, век наиболее сжатого и свободного выражения приятной стороны действительности, век, когда жизнь была театральна, а театр жизненен. И как вид теперешнего Петербурга через пятьдесят лет будет говорить о невоспитанности, об отсутствии тепле, о разнокалиберности русского общества, так странно-вычурным кажется нам Елисаветинский Петербург, стройным и гармоничным Петербург Екатерины и Александра Благословенного. Право же, смотря на фасады домов и на мебель, укра-

шающую комнаты, можно нарисовать себе и внешний облик, и внутренний мир людей того времени. Можно сказать, что человек, живший в доме Растрелли и сидевший на мебели в форме морской раковины, двигался, говорил и думал совсем по тому, чем тот, кто жил в царствование Екатерины, в доме Камерона и Гваренги, или тот, кто видел возрождение античной красоты. Потому так интересна архитектурная выставка, не только как собрание планов и чертежей домов, но как стройная характеристика нравственного облика нескольких поколений. На выставке предметы размещены по комнатам, соответствующим царствованиям русских Монархов. Здесь комната Петра, убранная креслами с высокими спинками и видами Петровского Петербурга, комнаты Елисаветы, Екатерины, Александра и Николая Павловича.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.